

21** год. Бетельгейзе было тридцать пять лет. Беллатриксу тридцать четыре. Саифу восемнадцать. Арктуру шестнадцать.

В квартире на сто тридцать девятом этаже в день своего рождения умерла Бетельгейзе¹. Она бы упала в судорогах за столом или в ванной, во время беседы или за ужином, если бы не знала точно, что умрет сегодня. Женщина заранее упаковала вещи: платья, скудную косметику, одну записную книжку, документы.

Служба утилизации и переработки заберет их на следующий день вместе с небольшим туалетным столиком и лишним кухонным стулом. Завтра мужу и сыновьям ничто не будет напоминать о ней.

Теперь, когда все было готово, Бетельгейзе лежала на диване в гостиной, накрыв ноги одеялом. Она попросила приглушить свет в гостиной, чтобы ее дети Саиф²

---

¹ Бетельгейзе (араб. *ازوج لا دي* «рука Близнеца») — яркая звезда в созвездии Ориона, красный сверхгигант. — (Здесь и далее примечания автора, если не указано иное).

² Сайф (араб. «меч великана» или «меч охотника») — шестая по яркости, а также самая горячая звезда созвездия Орион. Это звезда-гигант, ее размер в 22 раза больше Солнца.

и Арктур¹ не видели перекошенного от боли лица. Саиф отдал команду, и лампочки крошечных светильников стали медленно угасать, высокие потолки и серые стены проглотили последние лучи желто-лунного света. Теперь в полумраке вытянутое, худое лицо женщины казалось совсем белым, а каштановые волосы — черными. Арктуру показалось, что на светлой подушке рядом с головой матери шевелятся мелкие змеи, но то были сбившееся локоны.

Бетельгейзе расцепила тонкие пальцы и протянула руку мужу Беллатриксу². Мужчина сидел на полу подле нее, устало опустив могучие, широкие плечи. От его мощи не осталось и следа.

Рядом стояли дети. С первого взгляда можно было подумать, что они близнецы — те же большие карие глаза, высокий лоб и острый подбородок. Но старший брат, Саиф, был выше и сильнее, а за два года в Академии внутренней безопасности он возмужал и окреп. Сейчас он стоял неподвижно, лишь хмурил черные брови и порой проводил рукой по коротким волосам. Арктур, напротив, переминался с ноги на ногу и поправлял длинную челку, непослушно спадающую на глаза. Потом прятал руки глубоко в карманах и изредка щелкал пальцами. Казалось, этот звук был настолько громким, что от него тряслись стены.

---

¹ Аркту́р (*лат.* Voötes от греч. Βοώτης, «пахарь») — самое яркое светило в созвездии Волопас и четвертая по яркости звезда ночного неба после Сириуса, Канопуса и системы альфа Центавра.

² Белла́трикс (*лат.* Bellatrix — «воительница») — третья по яркости звезда созвездия Ориона. Другое название — гамма Ориона. Находится на расстоянии 243 св. лет (75 парсек) от Солнца.

Неоном горел циферблат, все ждали, когда наступит 21:34. Ровно в эту минуту тридцать пять лет назад родилась Бетельгейзе и сегодня должна была умереть. У всех жителей смартполиса был один срок. Через два месяца та же участь ждет ее супруга.

Женщина знала, что смерть не может быть безболезненной, но ученые обещали, что физические муки сведены к минимуму и продлятся не дольше минуты. Однако никто не сказал, что эта минута сравнима с сотнями лет. Такова плата за жизнь без болезней. Все жители принимают вакцину с nanoорганизмами, которые спасают жизнь, угнетают любые вирусы и бактерии, чтобы потом в расцвете лет вот так дрожать всем телом от адской боли. В 21:33:59 Бетельгейзе крепко сжала руку мужа, пока конечности тряслись от судорог, а изо рта стекала слюна. Она уже закатила глаза и, казалось, не видела и не слышала ничего, но в глубокой черной тишине смогла различить быстрое дыхание мужа, всхлипывания младшего сына и ровное дыхание старшего. Еще минуту назад ей казалось, что слова излишни, что она уже сказала все, что планировала, но теперь, за секунду до смерти, ей хотелось говорить с сыновьями и мужем еще и еще, обнимать их и просто жить.

Бетельгейзе выдохнула в последний раз, и тело обмякло. Еще одна звезда погасла.

Беллатрикс отпустил безжизненную руку и отстранился, встав рядом с детьми. Никто не сказал ни слова. В ту же минуту в дверь постучали. Арктур немедленно бросился в комнату. Незнакомцы в серых комбинезонах вошли в квартиру, не дожидаясь, пока им откроют.

В смартполисе не принято проводить гражданские панихиды и похороны. Слишком затратно по времени. В мире, где каждому жителю отмерено ровно тридцать пять лет, время слишком дорого ценится. Теперь среди бела дня или темной ночью в дома приходит специальная служба — они заранее знают, кто и когда умрет. Гробовщики не опаздывают, прибывают в срок с точностью до минуты, забирают тела, сжигают останки. И пепел, смешавшись с прахом других умерших, теряется где-то в небытии. Никто не горюет, жизнь слишком коротка, чтобы убиваться. На следующий день все живут обычной жизнью, словно ничего не произошло.

Беллатрикс и Саиф передали тело гробовщикам. Арктур, как трус, прятался в комнате и слушал. Он не мог находиться там, видеть, как безжизненное тело матери упаковывают в черный мешок. Перекатывающийся шорох пластикового пакета, кашель, тяжелые шаги — и тишина.

Как только дверь за гробовщиками захлопнулась, отец и брат разошлись по комнатам. Беллатрикс лежал на ставшей слишком просторной двуспальной кровати, Саиф занял свою старую комнату, которую покинул два года назад. Арктур смотрел в потолок и не мог уснуть. Ему казалось, будто внутри образовалась черная дыра, затягивающая в себя внутренности, а затем и его самого в неизвестную космическую пучину. Он хотел, чтобы туда канули чувство вины и дикая тоска, но те прочно застряли раскаленной иглой в самом сердце. Он хотел произнести прощальные слова, хотел громко плакать, обнять еще теплое тело матери в последний раз и в миллионный раз сказать, что любит и будет любить всегда.

Вместо этого Арктур стоял как истукан, остолбеневший то ли от горя, то ли от жалости к себе. А потом и вовсе сбежал, потому что не смог, как брат и отец, не плакать, не страдать.

Артура душили слезы, но он держался из последних сил, сжимая простыни в кулаках. Вскоре с двух сторон, как надвигающиеся тиски, зазвучал негромкий храп. Тонкие стены не могли защитить Аркура от звуков безмятежного сна родных. Он презирал устоявшийся ритуал смартполиса, но не знал, что через два месяца, когда будет умирать его отец, он не проронит ни единой слезы, не скажет ни слова.

***

Арктур в эту ночь практически не сомкнул глаз и уснул на рассвете, но утром проснулся до будильника. Биологические часы работали безотказно, он нажал «Стоп» на дисплее автономного индивидуального коммуникатора — или просто «авикома» — ровно в 05:59:59. В доме царила мертвая тишина.

Небольшая кухня без одного члена семьи стала просторнее. На столе уже стояла еда, когда Арктур присоединился к брату и отцу. Они вели себя как ни в чем не бывало.

Раньше мать заказывала завтраки на неделю. Дрон прилетал по утрам с доставкой, автоматически распахивалось окно, принимая четыре упаковки с готовыми горячими блюдами. Потом Саиф поступил в академию, переехал, и порций стало три. Неизменными оставались только сладкие и соленые палочки, которые мать заказывала для Аркура с самого детства. Две небольшие

упаковки каждое утро лежали перед ним: соленые он ел в грустные дни, сладкие — когда было весело. В дни соленых палочек мама целовала его в макушку и крепко обнимала. Иногда даже в хорошие дни он выбирал соленые палочки, чтобы лишний раз почувствовать, как по волосам бегают мамины тонкие пальцы, как она после поцелуя вдыхает аромат его волос. От одного воспоминания об этом его карие глаза наполнились слезами. Он опустил голову, и длинная челка спрятала взгляд.

Этим утром на столе лежали три упаковки непривычной еды, которую выбрал отец, но его любимых палочек не было. Арктур с грустью понял, что теперь они и не нужны.

Холодные серые стены, пустота и тишина давили на плечи. Арктур хрустел пальцами до боли в суставах и смотрел на отца и брата. Он пытался поймать их взгляды, прочитать в них тень сожаления и скорби. Но Беллатрикс и Саиф молча ели, иногда перекидываясь парой фраз. Отец быстро шевелил челюстью, отчего его бородатый подбородок ходил туда-сюда. Черные брови оставались спокойными, как и у брата. Арктур только сейчас заметил, как они похожи.

Когда отец спросил у Саифа про учебу, Арктур не выдержал:

— Как вы можете! Как вы можете ничего не чувствовать? — Он вскочил на ноги и попытался расшевелить брата. Крепкое тело Саифа практически не поддавалось, а сам он даже не взглянул в сторону Аркура.

— Сядь и успокойся! — скомандовал отец. Могучие руки Беллатрикса сжались в кулаки, он свел брови в одну линию, в черных глазах затаилась то ли печаль,

то ли усталость. Арктур безжизненно приземлился на стул — он знал этот отцовский тон.

— Ты должен свыкнуться с этим. И чем быстрее ты научишься отпускать неприятности, тем легче тебе будет.

— Папа, как ты можешь так говорить?! — новой волной гнева зашелся Арктур. Глаза снова наполнились слезами. Он быстро смахнул их и откинул спадающие на лоб черные волосы. — Это не неприятность! Это была наша мама. Мама! Мама!

Арктур без конца кричал заветное слово, пока не выбился из сил и его голос не охрип. Когда он умолк, отец степенно начал речь:

— Мы знали, что ее не станет. А через два месяца не станет и меня. У всех один срок — тридцать пять лет, ни больше ни меньше. Поэтому ты не должен размениваться по мелочам. Даже если речь идет о смерти. У тебя нет на это времени, а сейчас ты тратишь мое.

Арктур сник. Он знал с детства, а может, даже с рождения или уже в утробе, что умрет в тридцать пять. Но знать и смириться с днем смерти — не одно и то же. Да и невозможно быть готовым ни к своей смерти, ни к смерти матери. Никогда. Он не нашелся, что ответить, и не понимал, что чувствует. Арктур видел, как брат сжал губы в тонкую линию, и меж бровей пролегла морщинка. Они с отцом оставили еду, сбросили упаковку с остатками пищи в утилизатор и ушли. Арктур остался один. Он не мог заставить себя пошевелиться, будто забыл, как это делается. Можно все знать о мире и его законах, но совершенно не представлять, как в нем существовать.

Но с этого дня он начал готовиться — к тому, что рано или поздно близкие покинут его. А затем уйдет и он сам.

Когда спустя два месяца из жизни уходил отец, Арктур вел себя в точности как брат — холодно и спокойно. Беллатрикс мысленно благодарил сына: он смог подготовить того к жизни. Отец умер быстро и мужественно, лишь стиснув зубы от невыносимой боли.

После гробовщики завернули тело в мешок и вынесли в глухую ночь. Арктур закрыл за ними дверь и лег в постель. Его сон был безмятежным, а на утро он спокойно занял отцовское место. Братья пили кофе, сидя на противоположных сторонах стола.

2

С аиф и Арктур вышли на улицу раньше обычного. Неведомая сила гнала прочь из пустого дома: теперь у них нет ни матери, ни отца, и каждый пойдет своей дорогой. Медленно занималась заря. Жилые высотки тянулись на сотни метров вверх. Из-за них можно было разглядеть небольшой островок розового неба — теряя краски, оно медленно превращалось в бледно-голубое полотно.

Смартполис стоял в окружении глухой тайги, которая буйно разрослась, когда человек потерял интерес к дикой природе. В первые годы после изобретения наноорганизмов — лекарств от всех болезней — многие люди ринулись путешествовать в далекие страны: кто-то бездельничал и прожигал жизнь, кто-то работал, забыв об усталости. Еще бы! Жить и никогда не болеть — мечта целого мира исполнилась. Тогда люди еще не знали, что умрут в тридцать пять. Сначала оказалось, что каждый год надо ревакцинироваться, и жизнь сконцентрировалась вокруг медицинских центров, заводов по производству наноорганизмов. Так вырос современный город — смартполис. После стала известна страшная правда о наноорганизмах, и люди настолько сосредоточились

на своих жизнях, экономя время, что никто не заметил, как мир сузился до одной точки на карте. Железный занавес не надо возводить, если люди сами готовы отказаться от внешнего мира.

Поздняя осень первыми заморозками окутала город. Зима уже затаилась на макушках гор и вот-вот готова была спуститься в долину жгучими ветрами и буйными снегопадами. Но в смартполисе ветра терялись в лабиринте небоскребов, а снег мгновенно таял на теплом асфальте. Улицы, шоссе, бульвары, пешеходные зоны пролегли поверх горячих труб систем теплообмена. Дороги нагревались, и снег превращался в воду и стекал в ливневую канализацию. Каждую ночь, пока город спал, на улицу выходила армия роботов-подметальщиков, которые колесили по заданному маршруту и вычищали улицы.

Ранним утром в смартполисе стояла непривычная тишина. Медиаэкраны молчали, город затих перед новым днем и оживет автоматически с первым прохожим. Не успели братья ступить на улицу, как в одно мгновение загорелись экраны: маленькие и большие, в витринах магазинов и на фасадах домов. Каждый пиксель на дисплее разразился яркими красками, динамики извергали зычный голос из рекламного ролика: «Смартполис — идеальный город для жизни, где все счастливы, заняты делом и никогда не болеют. Идеальный город для идеальных людей».

Арктур и Саиф молча шли по привычной дороге, и их сопровождали ролики позитивных новостей, долгие монотонные речи ученых-медиков, веселые обзоры блогеров. Они повернули за угол, улица опустела, экраны моментально погасли. Умная система энергосбережения

работала исправно. А братья шли дальше, и их отовсюду освещали другие экраны, сопровождали новые голоса, окутывал информационный шум. И на каждом, даже крошечном, экране в правом углу шли часы. Без опозданий и без спешки цифры сменяли друг друга, стрелки бежали по кругу, напоминая, что время неумолимо уходит.

Арктур сожалел, что они не остались дома — у них было бы несколько минут тишины и покоя. Они бы стояли у окна плечом к плечу и встречали рассвет. Но с тех пор как Саиф поступил в академию, они перестали говорить и видеться. Брат жил на окраине в специальных казармах. Он связывался с родными по авикому и иногда приезжал, когда это было разрешено.

Братья остановились на перекресте, медиаэкраны голосили с четырех сторон. Секунды шелкали на всех экранах. После вчерашнего дождя на асфальте еще оставалась вода. Нагретый сырой воздух казался тяжелым, давил на плечи и грудь.

Арктур стянул шапку и засунул в карман широких брюк, черные волосы упали на лоб. Просторная толстовка висела мешком. Он никогда не будет равным брату по силе и мужественности. Особенно сейчас, когда Саиф надел строгую черную форму академии с матовыми пуговицами и воротником стойкой. Никаких других опознавательных знаков учебного заведения на одежде не было.

— Сегодня уже не увидимся, — еле слышно произнес Саиф. Арктур только кивнул в ответ.

Улица проглатывала звуки. Не слышно было, как стучит обувь по каменным дорожкам, как кашляет прохожий, как кто-то кричит или ругается. Улица про-